

5 Встречи с И. К. Тобилевичем

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ)

Памятен мне 1898 год, когда я впервые приехал в Киев. В том же году в киевском театре Бергонье (где ныне помещается русский драматический театр им. Леси Украинки) обосновалось «Товарищество украинских артистов» во главе с братьями Тобилевичами. Товарищество продолжало играть здесь вплоть до 1905 года. За эти семь лет я имел возможность увидеть Ивана Карповича на сцене не только в 18-ти его пьесах, в которых он тогда неизменно принимал участие, но и в ряде других ролей.

Играл он всегда удивительно просто, без всякого нажима, тщательно отделяя каждую деталь и как-то весьма тонко и глубоко вскрывая истинную сущность изображаемого им образа. Наиболее удавались ему такие роли, как старшина Михайло Михайлович в драме «Бурлака», Калитка в «Сто тысяч», Пузырь в «Хозяине». Незабываемо ярки и колоритны в его исполнении были также Потоцкий в трагедии «Сявва Чалыш» Мартына Боруля в одноименной пьесе и Терешко Сурма в «Суете».

Вообще о Карпенко-Каром, как о выдающемся актере, можно написать много. Мне же хотелось бы хоть отчасти осветить образ Ивана Карповича, как человека, насколько мне его сохранила память.

Характерной чертой его была какая-то неизменная сдержанность, внутренняя собранность, подтянутость. Он был очень скромнен. Выходя на вызовы зрителей, восхищенных его пьесами и его игрой, он стоял всегда позади всех, стараясь оставаться в тени.

Часто после спектаклей мы, учащаяся молодежь, долго не уходили из вестибюля театра дожидаясь выхода артистов, чтобы восторженно приветствовать своих любимцев, в том числе и Карпенко-Карого. Я помню, что Иван Карпович старался и там всегда незаметно пробраться за спиной кого-либо из артистов. А после премьеры очередной своей пьесы или бенефиса он и вовсе не выходил из театра через вестибюль, а выходил через черный ход, выходящий на Пушкинскую улицу.

Вспоминается мне и другой характерный эпизод из жизни Карпенко-Карого, ярко рисующий его, как человека. Когда в зимний сезон 1900—1901 гг. начались репетиции только что вернувшейся из цензуры его пьесы «Хозяин», в Киеве разнеслись слухи, будто бы в этой комедии в образе Пузыря изображен известный архимиллионер Терешенко. В действительности в образе Пузыря был показан автором художественно обобщенный тип миллионера-хитрика, в котором были собраны черты многих лиц. Одна же деталь — в сцене с халатом — была непосредственно взята из жизни Терешенко. Узнав об этом и желая «сберечь свою честь», Терешенко через чью-то посредство предложил И. К. Тобилевичу тридцать тысяч рублей золотом, чтобы тот не ставил пьесу на сцене. Иван Карпович с негодованием отбросил предложение богача.

Все это подтвердили мне Панас Карпович Саксаганский, Любовь Павловна Лилицкая и другие артисты, работавшие долгое время с Изаном Карповичем.

О другом его качестве — о высокой принципиальности в отношении выбора репертуара — неоднократно рассказывал мне П. К. Саксаганский. Карпенко-Карый, помимо обязанностей казначея товарищества, исполнял в нем обязанности заведующего литературной частью. Он был чрезвычайно строг в выборе пьес для постановки. По воспоминаниям Саксаганского, это и послужило главной причиной полного разрыва в начале 1900 года с так называемой «группой 18-ти членов товарищества», выразившей желание ввести в репертуар оперетты «Цыганский барон», «Гейшу» и другие.

Такой же высокой принципиальностью Карпенко-Карого отличался его доклад о положении провинциального театра, в частности украинского, в тогдашних тяжелых условиях царской действительности. Этот доклад был зачитан П. Саксаганским в Москве на I Всероссийском съезде ар-

тистов и вызвал большое одобрение. Много рассказывал Панас Карпович также об упорной, тщательной работе Ивана Карповича над ролями, об его непрекращавшемся никогда стремлении к разносторонним знаниям, об его громадной любви к литературе — как к украинской и русской, так и к мировой. Наиболее любимыми его авторами были Толстой и Шекспир. К Льву Николаевичу Толстому он даже ездил с одной депутацией, чтобы выразить ему сочувствие, когда в 1902 году синод предал Толстого «анафеме».

Не могу обойти молчанием еще одного обстоятельства, о котором мне также рассказывал Панас Карпович. Когда в 1904—1905 гг. Россия, из-за бездарности царских генералов, потерпела поражение на Дальнем Востоке от японцев, Иван Карпович крайне тяжело переживал это. Он всегда проводил резкую грань между царским правительством и русским народом. Он любил русский народ и русскую культуру, болел ее судьбами, стремился глубоко ее усвоить.

Зимой 1903 года Кирилл Стеценко и я вдвоем написали оперу «Полонянка»: Стеценко — музыку, а я — либретто. Вдвоем мы направились с либретто к Ивану Карповичу, чтобы выслушать его мнение. Перелистав тетрадь, он пожал своими могучими плечами и, улыбувшись, заметил: «Та це ж, хлопці, віршами написано». И посоветовал нам повидаться с М. П. Старицким, пообещав при встрече сказать ему о нас. И, действительно, сказал о нас Михайле Петровичу, и Старицкий принял нас.

Вполне естественно, что мы, — юные тогда, — любители украинского театра, с величайшим уважением относились к Карпенко-Карому и как к выдающемуся драматургу и как к прекрасному артисту. Помимо всего, Иван Карпович был прекрасным, отзывчивым, высокопринципальным человеком. Таким знали его современники и таким будет он всегда жить в памяти народа, которому он отдал свой большой талант драматурга и актера.

Евген КРОТЕВИЧ.